

Пустота «левой»

Уильям Гиллис

2017

Уильям Гиллис
Пустота «левой»
2017

Скопировано 22.06.2025 с

<https://liberadio.noblogs.org/?p=3638>

Перевод с английского: [http://humaniterations.net/2017/06/12/
the-emptiness-of-the-left/](http://humaniterations.net/2017/06/12/the-emptiness-of-the-left/)

ru.anarchistlibraries.net

Лично я думаю, что «левые» в конечном счёте не представляют собой что-то последовательное, а скорее являются исторически обусловленной коалицией идеологических позиций. Бастия и другие последователи свободного рынка сидели слева во французской ассамблее, и хотя мы можем пытаться утверждать, что это часть последовательной левой рыночной традиции, мы должны быть честными в том, что позиция человека в той конкретной революции — не говоря уже о революции вообще — вряд ли может сказать о многом. Всегда найдутся революционеры, желающие систем гораздо хуже нашей актуальной, и точно так же было много широкого признания «левых», чьи желания были совершенно несовместимы с освобождением.

В наши дни принято представлять левых и правых как, соответственно, эгалитарных и иерархических. Но это не только навязанное прочтение гораздо более запутанной исторической и социологической реальности, но и, честно говоря, довольно бессодержательное с философской точки зрения. Никто не может точно сказать, что означает эгалитаризм или даже иерархия, а многие интерпретации

не только взаимно исключают друг друга, но и показывают, что якобы идентичные утверждения на самом деле глубоко антагонистичны. Означает ли эгалитаризм, что все получают одинаковое богатство (как бы оно ни изменилось)? Означает ли он просто юридическое или социальное равенство в абстрактной сфере отношений перед народом или правовой системой государства? Означает ли оно равные возможности для экономического роста или равный доступ к народным зернохранилищам? Отменяет ли равенство все другие добродетели, такие как свобода? Лучше ли угнетать всех одинаково, чем добиваться большей свободы? Я не шучу. Мы обходим эти глубокие вопросы стороной, руководствуясь «здравым смыслом» и полагая, что наши товарищи придут к такому же мнению, как и мы, разделяя нашу интуицию в отношении различных компромиссов, но эмпирически это не так. Мы постоянно расходимся во мнениях.

Люди говорят о «коллективной прямой демократии», как будто почти единодушная воля некоего социального органа представляет собой эгалитарное условие. Конечно, в некоторых определениях так и есть. Но как только я вижу, что некий коллективный орган пытается голосовать за мою жизнь, я не хочу «участвовать», я хочу бросить в него бомбу. Левые используют как лозунги «власть народу», так и «отменить власть» — это должно быть серьёзным тревожным сигналом для всех, т.к. речь идёт о совершенно разных концептуальных системах и ценностях. Полагать, что если мы сядем и поговорим обо всем, то окажемся на одной волне, в высшей степени иллюзорно. Предположение о пан-лефтистской солидарности или общей цели — это успокаивающая ложь.

Левые не определяются каким-то набором аксиом в этической философии, с которыми мы все можем согласиться, а затем спорить о выводении стратегии или реализации.

Левые — это историческая коалиция, собранная вместе волею случая. Как и в случае с революцией, мы склонны самоидентифицироваться как маргиналы и строить свои коалиции из классов, которые мы считаем маргинальными, против классов, которые мы считаем правящими, но это приводит к разного рода искажениям. Мы выступаем за право выбора, потому что женщины — аутсайдеры в патриархате. Но в то же время мы за веганство, потому что животные — это (иногда в буквальном смысле) аутсайдеры в условиях человеческого господства. Подождите, мы ценим все живые существа? Что считается отдельным живым существом? Ценим ли мы их одинаково или важен уровень сознания/разума? Это уровень зависимости или нагрузки, которую оно оказывает на другого человека? Внезапно реакция, которую мы даём в ситуациях с членами семьи, в отличие ситуаций с христианским начальством, начинает вступать в конфликт с реакцией, которую мы даём в ситуациях с инвалидами (маргиналами). Я не утверждаю, что нет способа соединить все эти динамики, найти основные этические ориентиры и нюансы их внимательного применения — я думаю, что он есть (хотя мой особый подход, признающий в конечном итоге широкий спектр разумности/сознания между зиготами/нематодами и кем-то, отдалённо похожим на осознанного человека, осуждается некоторыми левыми как «неэгалитарный»). Я указываю на то, что наша реакция редко возникает на основе этического анализа, а является инстинктивной реакцией на любое появление аутсайдера. Левые редко представляют собой общую философию, чаще это коалиция, к которой добавляется теория, служащая целям скрепления этой коалиции. Можно легко представить себе вселенные с разными историческими путями, где запрет абортов является основным планом левых, рассматриваемым как глубоко взаимосвязанный с противостоянием квирофобии, патриархату, аб-

леизму и т.д. Или же левые могут выступать против законодательного запрета, но поддерживать и создавать низовые социальные и культурные санкции против абортов. (Опять же, для справки, я сторонник выбора).

Маргинальность — очень опасный подход к миру. Это хорошее «правило большого пальца», но если вы что-то знаете обо мне, то это то, что я ненавижу такие эвристики и рассматриваю их как противоположность радикальному анализу. Маргинальность — это то, как вы получаете такие явления, как сионизм, ленинизм, «цветной» национализм, TERF, SWERF и т.д. Её неудачи многообразны. Есть все основания полагать, что левачество — это не что иное, как маргинальность, в этом случае фашизм почти всегда левый. Активисты за мужские права не подходят к политике как реакционеры с правого фланга французского генерального собрания, сознательно стремящиеся сохранить устоявшуюся правящую структуру, они видят себя в роли угнетённых. Конечно, это не так (почти во всем, кроме некоторых пограничных контекстов, таких как некоторые фрагменты закона о разводе), но, черт возьми, они потенциальные угнетённые, и этого статуса более чем достаточно, чтобы воспроизвести большую часть стандартных структур маргинальности.

Можно возразить, что проблема маргинальности альт-правых заключается не только в их неправильном определении угнетённых, но и в их жажде власти, и это, конечно, в целом верно (хотя часть альт-правых, похоже, не столько стремится к власти, сколько попить слёзы противников/«победителей»). Но это, безусловно, относится и к большей части левых в хорошем смысле слова. Конечно, многие авторитарные левые с жадностью ухватились за угнетённость как за потенциальную лестницу к власти. Я встречал писательниц-феминисток, которые открыто признавались мне, что были бы патриархальными, если бы

процесс, который в конечном счёте безвозвратно разорвёт «левых» на куски.

Этот корабль тонет. И то, что многие крысы спасаются бегством, не означает, что и мы не должны этого делать.

были мужчинами, или владели бы рабами, если бы были богатыми белыми довоенных времён.

Да, любое собрание умных людей, которые отшатываются от явных проявлений угнетения, в целом сойдутся в ряде позиций или анализов. Но то, как они примиряют или удерживают вместе эти вещи, может кардинально отличаться. То, что левые представляют собой стабильную коалицию в нашем нынешнем контексте, не означает, что те её аспекты, которые кажутся идеально гармоничными, не разойдутся в разные стороны при изменении определённых условий.

Я неоднократно сталкивался с левыми, которые утверждали, что ценить одни вещи выше других — это иерархично и, следовательно, это — дело правых (левизна в их сознании представляет собой нечто более похожее на стоицизм или буддизм). Точно так же эпистемологический плюрализм распространён в самых задиристых секторах левых академических кругов, которые считают, что считать одни модели мира более истинными, чем другие, — это «неэгалитарно» или даже «тоталитарно». Заманчиво просто посмеяться над хиппи и идти дальше, но подобные ужасающие плохие определения «эгалитаризма» иногда звучат из уст умных людей, которые, как правило, не теряют головы, как только переходят в непривычный для них контекст.

Я ненавижу «Non-aggression principle», но в наши дни все смеются над «принципом ненападения» за то, что он «непрагматичен», и это все больше и больше становится связано со случайным обвинением всей этической философии как таковой. Этот поворот поощряется двумя взаимосвязанными бичами современных крайних левых в интернете: «tankies» и нигилистами. Это имеет смысл, если — в соответствии с принципом социальной справедливости — вы видите смысл левых в создании социальных рамок эти-

кета и свободной идеологии, которые могут связать вместе коалицию отсталых классов. Поэтому все чаще звучит рефрен «вы не можете сравнивать!», который звучит всякий раз, когда кто-то пытается найти общие черты или противоречия между различными утверждениями, позициями или планами. С этой точки зрения, у левых нет общего корня или объединяющего этоса, и мы не должны искать его, чтобы не развалить весь проект. Философия, этика, основные ценности или принципы становятся врагами, равно как и методологический индивидуализм и универсализм. Не существует ни индивидуального, ни универсального опыта, есть лишь относительно упрощённые классы людей с несравнимым опытом. И мы объединяем их в общее дело с помощью запугивания, социального позиционирования, поэтических аффективных призывов и угроз насилия.

Левые не объединены ничем. Марксизм наполовину дискредитирован идиотизмом и чудовищностью, а та половина, которая уцелела, превратилась в дико противоречивый беспорядок, более озабоченный мракобесием, иррационализмом и антиреализмом, чтобы скрыть собственные неудачи, чем добиться чего-либо, тем более наметить путь. Большинство проблем левых относится к противостоящим мифологизированным надстройкам, которые мы оставляем на произвол судьбы в отсутствие или при изменении их состава и поведения. Короче говоря, у левых абсолютная аллергия на радикализм. Вместо этого они отбиваются от своей неадекватности короткими затяжками экстремизма.

По мере того как социальные и идеологические сложности будут усугубляться благодаря бешеной отдаче информационной эпохи, эти внутренние противоречия и смеютворно хрупкая обмотка, которую мы создали, будут становиться все более очевидными.

Ещё есть надежда на радикальный анархизм, который готов укоренить свои дискуссии о свободе и этике конкретно и прямо. Но это неизбежно повлечёт за собой отказ от многих союзников, с которыми мы разделяем некоторые ограниченные интуиции или сиюминутные предписания. Или, по крайней мере, отбросить утешительные иллюзии глубокого товарищества.

Единственная причина, по которой ложь о «левых» сохраняется на протяжении двух столетий, заключается в том, что их грандиозное манихейское повествование о двух более или менее однородных племенах — просвещённом и непоправимо морально развращённом — создаёт ощущение общности, которое обеспечивает психологический комфорт для многих. Для многих левых (как и для националистических и правых) жажды «сообщества» — это фактически их основная мотивация. Общаясь в баре, лучше не заглядывать слишком глубоко в то, почему вы оба выступаете против капиталистов, чтобы не обнаружить нечто, что скорее объединяет, чем связывает.

Но формат нынешних интернет-технологий привёл к обратному эффекту. Неизбежный контакт с врагом заставляет нас возводить враждебные дискурсивные стены, которые, естественно, отсекают и наших традиционных союзников, заставляя и правых, и левых раскалываться в отчаянных попытках найти чистоту, надёжность или какую-то более глубокую связь. Случайные точки единства, которые срабатывали, когда у нас не было выбора, с кем дружить, теперь раскалываются во всех направлениях. Это в значительной степени хорошо: за последние два десятилетия были обнародованы всевозможные ужасы, таящиеся в наших собственных рядах. Но процесс, который выявляет наше отсутствие общности с антинаучным левым глубоким экологом, желающим убить всех людей, — это также